новый
одесский
юмор
Георгий Голубенко
Рыжий город,
или Четыре
стороны смеха

Георгий Голубенко

Рыжий город, или Четыре стороны смеха (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=567035
Рыжий город, или Четыре стороны смеха / Георгий Голубенко: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-44216-4

Аннотация

Книга рассказов Георгия Голубенко «Рыжий город, или Четыре стороны смеха» – это неожиданный сплав юмора и лиризма, гротеска и реальности. Вечный карнавал одесской жизни описан автором с иронией и любовью.

Одесса – это не только город, где живет автор. Это еще и город, живущий в его воображении. Одесса Георгия Голубенко – город, которого, может быть, уже и нет на свете, но благодаря автору он продолжает жить. Как продолжает жить Одесса Бабеля, Одесса Катаева, Одесса Ильфа и Петрова.

А если к этому добавить, что такую концентрацию блестящего юмора, как в рассказах Голубенко, в сегодняшней прозе вообще редко встретишь, вывод можно сделать следующий: покупать нужно как минимум по две книги – одну себе, другую в подарок…

Содержание

От автора 4
Пожар на Слободке 5
Детство наше золотое 9
Одна зеленая луковица и одно красное яблоко 12
Наметанный глаз 16
Жора с Большой Арнаутской 19
Вторая с половиной Фонтана 22
Сапоги всмятку 25
Пьяный переулок 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Георгий Голубенко
Рыжий город, или
Четыре стороны смеха

От автора

Каждый город имеет свой цвет.

Москва – белокаменная.

Иерусалим – золотой…

Одесса – город рыжий.

Построенный из рыжего камня, купающийся в ослепительно рыжем солнце, он рыжий еще и потому, что вот уже более двухсот лет блестяще исполняет, как говорится, на мировой арене роль рыжего клоуна, постоянно развлекающего всех, кто приезжает сюда, своими смешными, а иногда чуть печальными шутками.

Впрочем, в том, что одесситы беспрерывно шутят, уверены только приезжие. На самом деле это не так. Просто одесситы так разговаривают.

Помню, в детстве, еще при советской власти, наш сосед жаловался всем собравшимся на коммунальной кухне:

– Ну как я могу преподавать в юридическом институте, когда у нас в стране понятия «украдено» и «пропало» имеют противоположный смысл? Потому что то, что не украдено, то как раз пропало, а то, что украдено, наоборот, сохранено и служит людям!..

И так излагали свои мысли не только он, а практически все, с кем я когда-либо сталкивался в Одессе, причем постоянно, повсеместно и по любому поводу.

В общем, если вы, приехав в Одессу, думаете, куда бы вам пойти, чтобы увидеть и услышать что-нибудь смешное, можете смело идти на все четыре стороны…

На эту способность всех одесситов (включая малоинтеллигентных биндюжников) к парадоксальному мышлению, способность, вообще-то свойственную только гениальным физикам и великим конферансье, обратил когда-то внимание мальчик из культурной семьи, рожденный на Молдаванке. И написал знаменитые теперь на весь мир «Одесские рассказы». Мальчика звали Исаак Бабель, а название его книги, я думаю, – даже и не название книги, а определение нового жанра, в котором все мы, пишущие об Одессе, пытаемся что-то делать в меру сил своих и способностей…

Г. Г.

Пожар на Слободке

Моим самым ярким детским впечатлением от Одессы был пожар. В центре Слободки. Так сказать, в самом престижном ее районе. Рядом с психбольницей. Горел дровяной сарай.

Я тут недавно видел другой пожар, примерно в том же районе. Горела какая-то контора. Или, как теперь говорят, офис. Какой разительный контраст в пользу первого возгорания! Во втором случае мы имели вялое малоинтересное зрелище: никто ничего не тушил. Хозяин офиса – бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был внятен даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы:

– А ну предъявите ваши финансовые документы!

– Сгорели во время пожара.

– А у вас что, был пожар?

– У нас, слава богу, нет, а вот у бизнесмена такого-то, к сожалению, был. А мы ему как раз в этот день документы свои на хранение сдали…

– А чем докажете?

– Что? То, что сдали? Пожалуйста, вот расписка. А то, что у него как раз в этот момент был пожар, так иначе оно и быть не могло. Это же у него такой бизнес…

Нет, в детстве, неподалеку от психбольницы, все было значительно интереснее!..

Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль – грузовик ярко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове.

– Внимание, товарищи бойцы! – закричал их командир, вылезая из кабины с секундомером в руках. – Вижу пожар второй степени. На боевой рубеж выходи!

Пожарные спрыгнули на землю.

– Стоп, стоп, стоп!.. – закричал главный пожарный. – Это все никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу, и вижу, что у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!

– А может, тушить начнете, товарищи пожарники? – робко спросил кто-то из погорельцев. – Вон уже и на дом перекинулось…

– У вас один дом на уме, – строго ответил главный пожарник, – а я за весь город ответственный! Где же мне еще подчиненных учить, как не в боевой обстановке? Внимание, товарищи бойцы! Вижу пожар теперь уже третьей степени! На боевой рубеж выхо-ди!.. Вот, уже лучше… Все-таки двадцать одна секунда. А знаешь, почему, Причитайло, у тебя все-таки двадцать одна, а не восемнадцать? Потому что спрыгивать надо, а ты, извини, сползаешь, как беременная женщина! Вот посмотри, как Кузнецов спрыгивает! А ну, Кузнецов, покажи ему еще один раз, как это делается!

– Слушаюсь, товарищ командир! – лихо откозырял Кузнецов, ловко залез в кузов, ловко спрыгнул на землю, но так и остался лежать на земле.

– А, черт, нога!..

– Что «нога», Кузнецов?

– Да вот, подвернул, черт бы ее побрал!..

– Ну ничего. Это хорошо. То есть что подвернул – это, конечно, плохо, а хорошо то, что мы эту ситуацию на учениях тоже отрабатывали. Рядовой Хабибулин, вправьте ему сустав!

– А может, лучше я ему вправлю, товарищ командир?

– Э нет, Причитайло! То, что вы вправите, я не сомневаюсь. Это вы как раз делаете хорошо. Вот Хабибулин пусть вправит! А то мне докладывали, что он на занятиях по медицине каждый раз в таких случаях наш манекен по два часа уродует.

– Ну не даются мне эти переломы, товарищ командир…

– Какие еще переломы? У Кузнецова вывих!

– Так это сейчас у него вывих, а как я за лечение возьмусь, будет перелом…

– Да и не станет этот дом гореть еще два часа, – заметили из толпы, – максимум минут двадцать…

– Ладно, – сказал командир. – Ты, Кузнецов, пока отползи в сторонку, а ты, Хабибулин, бери брандспойт и подсоединяйся к гидранту. Где у вас тут гидрант?

– Какой это еще гидрант? – удивились погорельцы. – Нету у нас никакого гидранту…

– Ну кран пожарный по-нашему.

– И крана пожарного у нас нет. У нас вообще никакого крана нет. А зачем он нам нужен, тот кран, если у нас здесь и воды никогда не было?

– Так что же вы тогда технику сюда вызывали, людей? И что это за мода такая пошла – чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать? Мы тут стараемся, понимаешь, делаем все возможное и невозможное… Вон, – командир показал на отползающего Кузнецова, – теряем личный состав! А у вас и пожарного крана нет!

– Пожарный кран есть на суконной фабрике, – сообщил какой-то мужчина в пижаме и тапочках.

– А это недалеко?

– Если ехать трамваем, получается остановки четыре.

– Ничего себе, четыре остановки трамваем! У нас на такое расстояние шланг не дотянется!

– Тогда можно не ехать трамваем. Можно идти пешком. Получается всего одна остановка.

– То есть как это?

– Очень просто. Идете себе, идете и останавливаетесь только у суконной фабрики… Но расстояние то же.

– А что, если мы, товарищ командир, трофейный брандспойт подключим, а? – с робкой надеждой предложил Хабибулин. – У него, наверное, шланг ох какой длинный!

– Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брандспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай бог, загорится или горком.

– Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так и не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..

– Ну так и быть, подключайте! – сдался командир.

– Слушаемся! – обрадовались Хабибулин и Причитайло и, подхватив трофейный брандспойт, побежали в сторону суконной фабрики, всем своим видом показывая толпе, что сейчас ей будет представлено нечто необыкновенное.

– Так тогда, может, я и нашу выдвижную лестницу уже выдвину? – спросил у командира водитель пожарной машины. – Я понимаю, что оно вроде как ни к чему: и дом здесь в один этаж, да и от него уже мало чего осталось… Просто я тут приспособление изобрел для ускорения выдвижения лестницы. Так пусть наконец люди увидят, какая все-таки мощь стоит на страже их противопожарной безопасности!..

– Выдвигай! – кивнул командир.

Водитель на что-то нажал, после чего вторая половина лестницы не просто выдвинулась из первой, а вылетела из нее со страшным свистом, снесла половину крыши, а вторую ее половину обрушила прямо в горящий дом.

– Во дают! – ахнул кто-то в толпе. – Получается, это у них как «катюша»?!

– Да, – сказал водитель машины. – Чего-то я тут еще не подрассчитал…

– Это мы после поговорим, – ответил ему командир. – Надеюсь, в доме никого не оставалось? – спросил он у погорельцев.

– Да нет, – отвечали те. – Мы даже и вещи все вынесли самые ценные… Кажись, только веник забыли…

– А Коля ж мой где?! – запричитала вдруг какая-то молодуха. – Ой, люди добрые, Коля!.. Сынок… Я ж и забула тут про него… А сейчас, как за веник заговорили, так сразу и вспомнила!.. Мы когда еще из дому выходылы, я ему говорю: «Коля, сынок, ты ж смотри, чтобы веник тут нэ сгорив!» А тэпэр вот ни веника, ни его!..

– Ну знаете! – возмутился командир. – А ну быстро облейте меня чем-нибудь!

– Как вы говорите?

– Облейте меня, говорю, чем-нибудь! Что у вас там есть?

– А что у нас есть? Ничего у нас нет… Мы ж тут как раз День физкультурника отмечали, так и выпили все что было…

– Да что я тут с вами разговариваю?! Эх, была не была!.. – И командир пожарников, сделав два гигантских прыжка, исчез в клубах огня и дыма…

– Мама, а мама, – прозвучал в наступившей тишине тоненький детский голос, – а чего это дядя в самое пекло полез? За веником, что ли?

– Та за каким еще там… А кто это сказал? Коля? Ты тут? Ой, слава тебе, господи… Шоб тебя уже черти забрали, байстрюк! Где ж тебя носыть?!

– Я в туалет ходил за кустик.

В это время дом, вспыхнув особенно ярким пламенем, развалился на головешки, но командира пожарников там почему-то не оказалось. Толпа тихо ахнула…

– Не нужно было их вызывать, этих пожарников, – сказал какой-то моряк с «Беломором» в зубах, – дом мы бы и сами не потушили, зато у нас хотя бы не было человеческих жертв…

– Не слушай его, Николай! – обратилась к мальчику дородная женщина в пионерском галстуке – наверное, пионервожатая. – Только что, на твоих глазах, этот пожарный, спасая юного пионера, совершил героический подвиг! Конечно, если бы ты предупредил его, что идешь в туалет, он бы остался жив. Но с воспитательной точки зрения, может быть, так даже лучше. Какой вывод ты сделаешь из того, что произошло сегодня? Вот как ты будешь поступать в подобных случаях, когда станешь взрослым мужчиной?

– Ну, каждый раз, прежде чем идти в туалет, я буду предупреждать пожарных.

– Неправильно! Ты должен был сделать вывод, что в жизни всегда есть место для подвига! А этот пожарный, – обратилась она уже ко всем, – навсегда останется в наших сердцах. Ведь правильно я говорю, товарищи? И теперь, вспоминая этот день, мы всегда будем видеть перед собой его мужественное лицо, а его героический голос всегда будет звучать в наших ушах!

– Ах вы, мать вашу так! Придурки несчастные!.. – действительно раздался откуда-то из-под земли голос исчезнувшего пожарника. – Что ж вы мне не сказали, что у вас тут погреб под домом выкопан?! – И вслед за этим его лицо, правда, не столько мужественное, сколько перепачканное сажей, действительно показалось из-под земли.

– Товарищ командир! – закричал Причитайло, появившись прямо перед этим лицом с трофейным брандспойтом. – Мы подключились! Сейчас Хабибулин будет врубать!

– Та врубайте уже, черт бы вас всех побрал! – скомандовал командир. – Дом я не потушил. Так хоть физиономию вымою!

И тут Хабибулин, как видно, «врубил». Бесконечный брезентовый шланг надулся, как огромный питон. Но из брандспойта ничего не потекло. Зато из миллиона прорех, образовавшихся на сгибах этого шланга от многолетнего лежания без дела, в вечернее небо Слободки брызнули миллионы фонтанов. И засверкали в лучах заходящего солнца. И покатилась от смеха Слободка аж от суконной фабрики и до психбольницы включительно. Потому что всем, в том числе и хозяевам сгоревшего дома, было абсолютно не жаль эту несчастную развалюху. Все понимали, что самое страшное в жизни, то есть война, окончившаяся совсем недавно, уже позади, а впереди только хорошее: красивые новые дома, красивая новая жизнь… И единственная беда, омрачавшая чистые сердца слободчан, состояла лишь в том, что за несколько месяцев до описанных выше событий умер великий вождь всех людей, лучший друг всех пожарников Иосиф Виссарионович Сталин.

И вот я думаю: это же как должен был перевернуться мир за какие-то там пятьдесят лет, прошедшие с той поры, если кончина такого вождя уже почти никого не печалит, а хороший пожар на Слободке – почти никого не радует…

Детство наше золотое

Когда я впервые увидел мир, он представлял из себя улицу Богатова на Пересыпи. Бесконечный дождь. Непролазная грязь. Подслеповатые домишки с фундаментами, выкрашенными черной краской. Город в калошах…

Я сидел в комнате на подоконнике и смотрел, как начинается наводнение. Вода за окном поднималась все выше и выше.

– Надо спасать самое дорогое, что у нас есть! – сказал мой папа моей маме. – Если прорубить отверстие в потолке, то мы еще успеем забросить на чердак наши партийные билеты.

Но тут дождь прекратился, и из окрестных домов стали выплывать местные жители на шифоньерах. В зеркальных дверцах шкафов празднично отражались голубые прорехи на сереньких небесах.

Из всего увиденного я сделал следующие выводы: мир – это ужасная дыра. Самое дорогое, что есть у человека в жизни, – это партийный билет. А самое красивое, что в ней можно увидеть, – это шифоньер с зеркальной дверцей.

Провал в памяти года на четыре.

Мама провожает папу на работу. Заботливо поправляет ему галстук. Чистит щеткой пиджак.

– Тебе не жена нужна, а нянька, – нежно говорит она папе.

– Правильно! – радостно кричу я маме. – Вот и нянька ему это говорит, когда тебя дома нету. Не жена, говорит, тебе нужна, а я!..

Входит моя восемнадцатилетняя нянька. Папа дает мне по шее.

Опять провал на какое-то время.

Мне уже лет пять с половиной. А может, и шесть. Мы вдвоем с нянькой (конечно, с другой) на лужайке в саду изучаем природу. То есть нянька стоит под деревом и разглядывает бабочку, сидящую на ветке. А я валяюсь на траве у ее ног и незаметно заглядываю ей под юбку.

– Правда ж, красивая? – спрашивает нянька, имея в виду бабочку.

– Ничего, – отвечаю я, имея в виду нянькину попу.

– Так и хочется к ней прикоснуться, правда? – спрашивает нянька, стараясь пробудить во мне любовь к природе.

– Но, наверное ж, нельзя? – спрашиваю я, думая о своем.

– Между прочим, многие их коллекционируют, – увлекается моя наставница. – Я, например, знаю одного молодого человека, он собрал штук двести пятьдесят. Правда, он уже взрослый… Но и тебе пора начинать. Знаешь, какие они бывают разные? Большие, маленькие, разноцветные… Бывают даже черные! Представляешь? Абсолютно черные!..

– Ну, это, наверное, у негритянок… – догадываюсь я.

– Что-что-что?! – нянька опускает на меня глаза. – Ах ты, щенок!..

«Только не по голове! – проносится у меня в мозгу. – В кои-то веки увидел в этом мире хоть что-нибудь интересное…»

Провал. Правда, уже ненадолго.

Опять какие-то негры… Ну да. Это Трофим Никодимович Дыхно, наш сосед, огромный негр, держит меня за шиворот и кричит на всю улицу:

– Ноги бы тебе обломать, паразит!

– Ну зачем же ему ноги ломать? – возражает Трофиму другая наша соседка, негритянка Роза Исааковна Шельсон. – Он же ребенок еще… Вот руки ему обломать было бы правильно. За то, что он с нами сделал.

А сделал я следующее. Тем летом весь наш поселок на окраине Одессы сбрендил на почве своего здоровья. Каждое утро бездомная баба Лушка стала привозить с Хаджибейского лимана два ведра мерзкой вонючей грязи, которая, как считалось, лечит от всех болезней. Жители поселка, раздевшись догола, обмазывались этой дрянью и ложились на железнодорожную насыпь загорать. Картина возникала странная: жители загорали, под насыпью в лучах солнца голубовато поблескивали – вроде узенькой речки – железнодорожные рельсы. Время от времени кто-нибудь из черных истуканов поднимался во весь рост, истомно потягивался, и казалось, сейчас с криком «У-ух!..» бросится на эти рельсы как в речку, прямо перед носом приближающегося поезда.

Меня родители обмазывали тоже. Хотя я был совершенно здоров. Наверное, меня лечили впрок. То есть как рассуждали родители: ну мало ли чем может заболеть ребенок в предстоящей ему долгой жизни, а мы его уже в детстве вылечили…

В конце концов, чтобы прекратить эти издевательства, однажды утром я незаметно влил в Лушкины ведра литра три несмываемой черной нитрокраски. Эффект был потрясающий. Недели на две после этого наш тишайший поселок превратился в восставшее негритянское гетто. Толпы разъяренных афроамериканцев одесского происхождения метались по нему и, бешено вращая голубоватыми зрачками, искали, кто это с ними такое сделал. Наконец нашли.

Короче говоря, это был единственный случай в истории, когда толпа разъяренных черных линчевала одного белого.

Нужно вам говорить, кто был этот белый?..

Опять, конечно, провал.

Москва. Очередь в Мавзолей. Представители рабочего класса, трудовой интеллигенции, сотрудники органов государственной безопасности.

Роскошный папа в офицерском мундире, нарядная мама и я – ангелоподобный ребенок с бантом на белой блузе.

– Сейчас, сынок, – торжественно объявляет папа, – ты увидишь наших вождей, Ленина и Сталина. Много десятилетий советский народ под их руководством день и ночь, не зная ни минуты отдыха, трудился не покладая рук. Поэтому люди решили их не хоронить…

– А когда отдохнут – похоронят? – спрашиваю я.

Удар. Провал.

Начальная школа. Провал лет на восемь.

Хотя, кажется, нет. Обманываю.

Очень раннее утро. Мы с моим другом Петриком прячемся в кустах за забором пионерского лагеря. Кругом поют птички.

– Ниже целься, ниже… – шепчет мне Петрик. – Прямо под глаз. И как только он закричит: «Пионер – всем ребятам пример!» – так сразу же и стреляй.

– А не заругают? – спрашиваю я.

– Не боись! – отвечает Петрик. – Зато этот пионервожатый больше никогда не будет говорить, что мы с тобой еще слишком маленькие для того, чтобы участвовать в военно-патриотической игре «Зарница»!.. Хотя рогатку, может, и отберут.

…Нет, в школе было много интересного. Например, люди.

В 1960 году мой сосед по парте в возрасте неполных десяти лет получил срок. Примерно такой же. По довольно необычной для ребенка статье: за валютные махинации.

Махинации состояли в том, что он за три рубля купил у иностранного моряка доллар и потом показывал его за рубль всем желающим.

Сейчас он в Новой Зеландии. Говорят – миллионер. Вот что значит подрезать человеку крылья! Если бы сорок лет назад его не остановили, то сегодня в Одессе с такими талантами он бы уже был миллиардером.

Другой мой одноклассник, Вася Кацюба, круглый двоечник и балбес, не прочитавший ни одной книжки, вообще получил пятнадцать лет за диссидентство.

Он ограбил пивной ларек. И полагалось ему за это по малолетству максимум года полтора. Но перед тем как пойти на дело, Вася посмотрел кино. Из жизни народного заступника Олеко Дундича. Там этот заступник на своем суде произносит обличительную речь. И вот когда Васе на его суде предоставили последнее слово, он, привыкший всю свою жизнь только списывать, проговорил буквально следующее:

– Кровопийцы! Душители трудового народа! Это в ваших шахтах и рудниках мы гнем свои натруженные спины, в то время как вы, купаясь в невиданной роскоши, насилуете наших жен и детей! Но трепещите! Час расплаты не за горами! Дубина народного гнева уже поднялась над вашими головами! Сегодня вы судите меня – но завтра вас будет судить история!

Услыхав таковые слова, районный судья и два народных заседателя от испуга совершенно потеряли способность что-либо соображать и в этом состоянии залепили Василию на всю катушку за антисоветскую агитацию. Спасло его только то, что в психиатрической лечебнице, где Васина мама работала санитаркой, удалось получить справку, что в момент произнесения своей исторической речи Василий от страха перед судом соображал еще меньше, чем судья вместе со своими заседателями.

Нет, про школу я совершенно напрасно. Там было много незабываемого. Взять хотя бы мой первый литературный опыт.

– Ребята! – сказал наш классный руководитель. – В стране настали новые времена. Никита Сергеевич Хрущев дал нам полную свободу. Поэтому и сочинение у нас сегодня будет необычное. Пишите только то, что вы действительно думаете. Ничего не приукрашивая. Тема сочинения: «Хорошо в стране родной».

Ну что вам сказать… В отличие от Васи Кацюбы я не был диссидентом. Просто я хотел как можно точнее исполнить задание преподавателя. И я написал. Почему-то в стихах. Первый и последний раз в жизни.

Хорошо в стране родной для людей трудиться. А на Западе, бог мой, лучше не родиться. Там у них народ все мрет или вымирает. А у нас – наоборот. Это каждый знает.

И близко то время, когда уж над нами Заря коммунизма, сияя, взойдет, И Партия нас, как герой наш Сусанин, К заоблачным высям вперед поведет!

Как видите, никаких литературных достоинств у данного произведения практически нет. Но, как и все советские писатели, я пострадал не за их отсутствие.

– Мы из тебя эту дурь вышибем! – бушевали мои родители, навешивая мне по шее. – И ни в какой литературный институт ты поступать не будешь! Только в консерваторию! Может, хотя бы это спасет тебя от тюрьмы.

Ну откуда им было знать, что, как сказал когда-то один умный человек, в нашей стране музыкант, который хорошо играет на скрипке, тоже считается диссидентом…

…На этом мое золотое детство закончилось. Настала взрослая жизнь. И помню я из нее почти что все. Без всяких провалов. Хотя многое хотелось бы и забыть.

Одна зеленая луковица и одно красное яблоко

Не знаю, что так пугает многих артистов и музыкантов, которые говорят, что всегда с особым волнением едут выступать в Одессу, но вот почему начиная с далекого тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года ни разу не приезжал в наш город знаменитый скрипач Гутников со своей пианисткой Мещерской, я знаю точно. Они боялись меня.

Впрочем, все по порядку. Я учился тогда в Одесской государственной консерватории. Красиво? А вы как думали?.. Это уже потом я стал советским драматургом, а вначале родители все же пытались сделать из меня культурного человека. Желательно скрипача. Правда, мой педагог – профессор Лео Давыдович Лембергский – сразу распознал безнадежность этих попыток, поэтому во время занятий старался научить меня хоть чему-нибудь полезному для жизни.

– Смотри сюда, мальчик, и запоминай, – говорил, бывало, мой шестидесятилетний наставник мне, восемнадцатилетнему пацану, доставая из своего скрипичного футляра луковицу и яблоко. – Мой дед съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста лет. Мой отец съедал во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко – и дожил до ста одного года. Я тоже съедаю во время обеда одну зеленую луковицу и одно красное яблоко, и вот ты увидишь… Хотя ты, конечно же, не увидишь…

Я незаметно посмеивался, и, между прочим, совершенно напрасно. Прошло тридцать лет, а мой профессор по-прежнему съедает где-то в далеком Израиле во время обеда свою зеленую луковицу и свое красное яблоко и уже готовится побить семейный рекорд долголетия, установленный его отцом и дедом, а что касается меня… Боюсь, мне теперь уже действительно нужно сильно постараться, чтобы это увидеть…

Вообще, я любил учиться в Одесской государственной консерватории. Потому что государственной она была в последнюю очередь. В первую очередь она была одесской.

«Декан Рувимчик – редкий козел!» – было написано на стене нашего консерваторского туалета. «Сам ты козел! Декан Рувимчик» – было написано ниже. В классе контрабасов висел транспарант, который приводил в ужас всю нашу кафедру марксизма-ленинизма: «Ничего не знаю лучше контрабаса. Готов слушать его день и ночь. Удивительный, нечеловеческий инструмент!» – и подпись: «Лейбин». А какие, собственно, основания были его снимать, если Лейбин была фамилия преподавателя контрабаса?..

Мы, студенты, жили с нашими педагогами одной семьей, постоянно пытались шутить и все как один мечтали о славе. Слава имела конкретные очертания. И называлась она – сцена Одесской филармонии. Выступать там было пределом наших мечтаний. Поэтому все, что произошло в тот день одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, я помню очень хорошо. Или почти все…

– Ну что ж, мальчик, поздравляю тебя! – сказал мой профессор. – Сегодня ты впервые выходишь на филармоническую сцену!

– Как?.. – задохнулся я. – А что же я буду там играть?

– Ничего, – ответил профессор. – Ты будешь там ноты переворачивать. Играть будет Гутников. Нужно помочь его пианистке.

Для тех, кто не в курсе, рассказываю: скрипач обычно во время концерта играет все наизусть. Его аккомпаниатор – по нотам. Переворачивать их приглашают кого-нибудь из местных. Ну не возить же с собой на гастроли такую малозначительную фигуру…

Конечно, это было не совсем то, о чем я мечтал. Но я живо представил себе, как вечером я выхожу на сцену Одесской филармонии, и одна знакомая девушка, сидящая в зале, увидит… Ну, в общем, за полчаса до концерта я уже переминался с ноги на ногу за кулисами филармонии, с тревогой прислушиваясь к шуму, доносящемуся из переполненного зритель-

ного зала. Потом появились ослепительные Гутников и Мещерская. Она – в роскошном концертном платье, он – в строгом фраке, но с настоящим Страдивари в руках.

– Здра-а-авствуйте, – поздоровался я, заикаясь от волнения. – Я тут пе-ереворачивать…

– Знаем, знаем, – сказала пианистка. – Зачем же вы так волнуетесь, молодой человек? Ноты читать умеете? Значит, когда увидите, что я доигрываю страницу, перевернете. И еще: у меня длинное платье, поэтому, когда я буду вставать со стула, чтобы поклониться, отодвигайте, пожалуйста, стул. Вот, собственно, и все. Ваш профессор сказал, что вы человек способный. Думаю, справитесь… Да, и еще: я вас очень прошу, когда мы будем уходить со сцены, уходите, пожалуйста, первым. Потом ухожу я, и только потом уже солист. Понимаете? Чтобы все аплодисменты достались солисту. И вообще, ваша главная задача – нам не мешать.

– О чем ты, Мила? – улыбнулся маэстро. – Ну как он может нам помешать?..

Ох, не нужно ему было это говорить! Уже через несколько минут жизнь показала, что в этом смысле он явно недооценивал мои возможности.

Под бурные аплодисменты мы вышли на сцену, я, как и положено переворачивающему ноты, уселся слева от пианистки, взглянул на ноты, которые мне предстояло переворачивать, и понял, что сейчас произойдет катастрофа.

– Бетховен, – произнесла ведущая. – «Крейцерова соната».

Пианистка взяла аккорд.

– Ничего не получится… – просипел я ей прямо в ухо. – Я очки дома забыл!..

– Что? – вздрогнула пианистка.

– Очки, говорю, забыл!.. Не вижу я ничего!..

– Спокойно! – прошептала пианистка, не переставая играть. – Следите за мной. Когда нужно будет перевернуть страницу, я вам кивну…

– Головой?.. – просипел я, уже мало что соображая от волнения.

– Да, – кивнула она.

Она кивнула – я и перевернул.

– Рано! – вскрикнула она и, продолжая играть, свободной рукой перевернула страницу назад.

– Но вы же кивнули! – напомнил я ей и перевернул страницу вперед.

– Да я не потому кивнула! Не потому! – нервно зашептала пианистка, играя какой-то сложный пассаж. – Вот теперь переворачивайте!

– Вперед?!

– Да!

Я перевернул.

– Назад!!

– Но почему? Вы же сами сказали перевернуть страницу вперед!

– Но вы же перевернули две!..

– Как это две?! – я приподнялся и, загородив ей нотную тетрадь, стал разбираться со страницами. – Вот одна… вот… ах да, действительно!..

– Да что же вы делаете?! – взмолилась она и, изловчившись, шлепнула меня по рукам. Я автоматически шлепнул ее по рукам, как бы давая сдачи. Она вскрикнула. Скрипач вздрогнул и взял фальшивую ноту.

Так, толкаясь и переругиваясь, мы каким-то чудом доиграли наконец «Крейцерову сонату». Раздались аплодисменты.

– Стул отодвиньте! – ненавидяще глядя на меня, сказала пианистка. – Я же вам говорила. У меня длинное платье. Отодвиньте мой стул! Мне нужно встать и поклониться!

Я галантно отодвинул ей стул. Она встала и поклонилась. Потом начала садиться.

– Стул! – напомнила она, не оборачиваясь.

Поскольку слово «стул» теперь ассоциировалось в моей уже не работающей от страха голове исключительно со словом «отодвиньте», я его опять отодвинул. Она начала садиться на пол. Я автоматически подставил руки… Почувствовав их у себя на бедрах, пианистка взвизгнула и отскочила.

В зале прошел шумок. Там уже, наверное, давно обратили внимание, что, пока скрипач предается своему возвышенному искусству, какой-то молодой нахал у него за спиной сначала подрался с его аккомпаниаторшей, а теперь прямо на глазах у публики начал к ней грубо приставать. Я готов был провалиться сквозь сцену.

Дальнейшее плохо отпечаталось в моем сознании. Помню только, что, кажется, и дальше я все делал наоборот: переворачивал страницы, когда не нужно было переворачивать, и не переворачивал, когда было нужно. Двигал стул вперед, когда пианистка пыталась встать, таким образом припечатывая ее к роялю, и двигал его назад, когда она пыталась сесть, каждый раз ловя ее уже у самого пола.

Естественно, что после окончания каждого произведения музыканты, несмотря на аплодисменты, сразу же убегали за кулисы, чтобы хоть как-то перевести дух от этого кошмара. Но я оставался на сцене! Таким образом, получалось, что все аплодисменты доставались мне, и я каждый раз долго и церемонно раскланивался…

Но все это были, как говорится, цветочки по сравнению с финалом нашего выступления.

– Паганини! – объявила ведущая. – «Вечное движение».

– Умоляю!.. – наклонилась ко мне пианистка. – Вы только ничего не делайте! Мы сами все сыграем. Просто сидите тихо. А еще лучше вообще отодвиньтесь!..

Музыканты начали играть, а я начал отодвигаться, естественно, вместе со стулом, издавая при этом страшный скрип. Пианистка гневно глянула на меня. Я отодвинулся еще дальше. Она опять посмотрела. Я опять отодвинулся. Потом еще и еще… Таким образом, пока они играли, я проделал довольно неблизкий путь от центра сцены в ее конец и очутился на самом краю.

В зале недоуменно перешептывались. Потом-то я понял причину. «Ну правильно, – размышляли там. – Великий Паганини, наверное, что-то имел в виду, назвав свою пьесу «Вечное движение», но зачем нужно иллюстрировать это гениальное произведение бесконечной ездой по сцене, да еще верхом на скрипучем стуле?!»

– Да когда же это наконец закончится?! – не выдержал скрипач и, прервав исполнение, сделал шаг в мою сторону, собираясь, по-видимому, оторвать мне голову.

Я в ужасе отпрянул назад… И вместе со стулом полетел со сцены в зрительный зал.

Тут началось что-то невообразимое. И продолжалось довольно долго. А поскольку ни музыканты, ни ведущая из-за кулис больше не появлялись, то я, чтобы хоть как-то прекратить весь этот смех, свист и улюлюканье, опять вскарабкался на сцену и очень торжественно произнес: «Концерт окончен!»

Потом, много лет спустя, я часто пытался смешить народ своими рассказами, выступая на разных сценах, в том числе и на сцене Одесской филармонии, но такого гомерического хохота я уже не слышал никогда. Вот уж был поистине оглушительный провал!

Наверное, в ту ночь я не умер от позора только потому, что одна знакомая девушка до самого утра утешала меня, сидя рядом на скамейке пустынного Приморского бульвара, и к утру наконец утешила…

И тогда же, к утру, с первыми лучами солнца, встающего над обожаемым мною городом, я начал смутно догадываться, что стремление к славе вообще глупейшая вещь. И единственное, чего можно добиться на этом пути, так это падения с большой высоты, да еще и вместе со стулом.

А единственное, чего можно желать для себя в этой жизни, так это собственно жизни. Причем как можно более долгой. И нужно для этого очень немного: каждое утро – такой вот рассвет, каждую ночь – такая вот девушка, ну и каждый день, конечно, одна зеленая луковица и одно красное яблоко.

Наметанный глаз

Если бы у Коли и Оли спросили в тот день: «Какой самый короткий месяц в году?» – они бы не задумываясь ответили: «Медовый». Только через четыре месяца после его начала, когда у Оли наконец впервые возникла потребность в платье (во всяком случае, в выходном), они с Колей вышли из своей комнаты в общежитии, держа в руках отрез крепдешина, купленный молодым на свадьбу в складчину всеми студентами и преподавателями родного техникума, и направились к дамскому портному Перельмутеру.

В тот день Коля точно знал, что его жена – самая красивая женщина в мире, Оля точно знала, что ее муж – самый благородный и умный мужчина, и оба они совершенно не знали дамского портного Перельмутера, поэтому не задумываясь нажали кнопку его дверного звонка.

– А-а!.. – закричал портной, открывая им дверь. – Ну наконец-то! – закричал этот портной, похожий на композитора Людвига ван Бетховена, каким гениального музыканта рисуют на портретах в тот период его жизни, когда он сильно постарел, немного сошел с ума и сам уже оглох от своей музыки.

– Ты видишь, Римма? – продолжал Перельмутер, обращаясь к кому-то в глубине квартиры. – Между прочим, это клиенты! И они все-таки пришли! А ты мне еще говорила, что после того, как я четыре года назад сшил домашний капот для мадам Лисогорской, ко мне уже не придет ни один здравомыслящий человек!

– Мы к вам по поводу платья, – начал Коля. – Нам сказали…

– Слышишь, Римма?! – перебил его Перельмутер. – Им сказали, что по поводу платья – это ко мне. Ну слава тебе, господи! Значит, есть еще на земле нормальные люди. А то я уже думал, что все посходили с ума. Только и слышно вокруг: «Карден!», «Диор!», «Лагерфельд!»… Кто такой этот Лагерфельд, я вас спрашиваю? – кипятился портной, наступая на Колю. – Подумаешь, он одевает английскую королеву! Нет, пожалуйста, если вы хотите, чтобы ваша жена в ее юном возрасте выглядела так же, как выглядит сейчас английская королева, можете пойти к Лагерфельду!..

– Мы не можем пойти к Лагерфельду, – успокоил портного Коля.

– Так это ваше большое счастье! – в свою очередь успокоил его портной. – Потому что, в отличие от Лагерфельда, я таки действительно могу сделать из вашей жены королеву. И не какую-нибудь там английскую! А настоящую королеву красоты! Ну а теперь за работу… Но вначале последний вопрос: вы вообще знаете, что такое платье? Молчите! Можете не отвечать. Сейчас вы мне скажете: рюшечки, оборочки, вытачки… Ерунда! Это как раз может и Лагерфельд. Платье – это совершенно другое. Платье, молодой человек, это прежде всего кусок материи, созданный для того, чтобы закрыть у женщины все, на чем мы проигрываем, и открыть у нее все, на чем мы выигрываем. Понимаете мою мысль? Допустим, у дамы красивые ноги. Значит, мы шьем ей что-нибудь очень короткое и таким образом выигрываем на ногах. Или, допустим, у нее некрасивые ноги, но красивый бюст. Тогда мы шьем ей что-нибудь длинное. То есть закрываем ей ноги. Зато открываем бюст, подчеркиваем его и выигрываем уже на бюсте. И так до бесконечности… Ну, в данном случае, – портной внимательно посмотрел на Олю, – в данном случае, я думаю, мы вообще ничего открывать не будем, а будем, наоборот, шить что-нибудь очень строгое, абсолютно закрытое от самой шеи и до ступней ног!

– То есть как это «абсолютно закрытое»? – опешил Коля. – А… на чем же мы тогда будем выигрывать?

– На расцветке! – радостно воскликнул портной. – Эти малиновые попугайчики на зеленом фоне, которых вы мне принесли, по-моему, очень симпатичные! – И, схватив свой портняжный метр, он начал ловко обмерять Олю, что-то записывая в блокнот.

– Нет, подождите, – сказал Коля, – что-то я не совсем понимаю!.. Вы что же, считаете, что в данном случае мы уже вообще ничего не можем открыть? А вот, например, ноги… Чем они вам не нравятся? Они что, по-вашему, слишком тонкие или слишком толстые?

– При чем здесь… – ответил портной, не отрываясь от работы. – Разве тут в этом дело? Ноги могут быть тонкие, могут быть толстые. В конце концов, у разных женщин бывают разные ноги. И это хорошо! Хуже, когда они разные у одной…

– Что-что-что? – опешил Коля.

– Может, уйдем отсюда, а? – спросила у него Оля.

– Нет, подожди, – остановил ее супруг. – Что это вы такое говорите, уважаемый? Как это – разные?! Где?!

– А вы присмотритесь, – сказал портной. – Неужели вы не видите, что правая нога у вашей очаровательной жены значительно более массивная, чем левая. Она… более мускулистая…

– Действительно, – присмотрелся Коля. – Что это значит, Ольга? Почему ты мне об этом ничего не говорила?

– А что тут было говорить? – засмущалась та. – Просто в школе я много прыгала в высоту. Отстаивала спортивную честь класса. А правая нога у меня толчковая.

– Ну вот! – торжествующе вскричал портной. – А я о чем говорю! Левая нога у нее нормальная. Человеческая. А правая – это же явно видно, что она у нее толчковая. Нет! Этот дефект нужно обязательно закрывать!..

– Ну допустим, – сказал Коля. – А бюст?

– И этот дефект тоже.

– Что – тоже? Почему? Мне, наоборот, кажется, что на ее бюсте мы можем в данном случае… это… как вы там говорите, сильно выиграть… Так что я совершенно не понимаю, почему бы нам его не открыть?

– Видите ли, молодой человек, – сказал Перельмутер, – если бы на моем месте был не портной, а, например, скульптор, то на ваш вопрос он бы ответил так: прежде чем открыть какой-либо бюст, его нужно как минимум установить. Думаю, что в данном случае мы с вами имеем ту же проблему. Да вы не расстраивайтесь! Подумаешь, бюст! Верьте в силу человеческого воображения! Стоит нам правильно задрапировать тканью даже то, что мы имеем сейчас, – и воображение мужчин легко дорисует под этой тканью такое, чего мать-природа при всем своем могуществе создать не в силах. И это относится не только к бюсту. Взять, например, ее лицо. Мне, между прочим, всегда было очень обидно, что такое изобретение древних восточных модельеров, как паранджа…

– Так вы что, предлагаете надеть на нее еще и паранджу? – испугался Коля.

– Я этого не говорил…

– Коля, – сказала Оля, – давай все-таки уйдем.

– Да стой ты уже! – оборвал ее муж. – Должен же я, в конце концов, разобраться… Послушайте… э… не знаю вашего имени-отчества… ну, с бюстом вы меня убедили… Да я и сам теперь вижу… А вот что если нам попробовать выиграть ну, скажем, на ее бедрах?

– То есть как? – заинтересовался портной. – Вы что же, предлагаете их открыть?

– Ну зачем, можно же, как вы там говорите, подчеркнуть… Сделать какую-нибудь вытачку…

– Это можно, – согласился портной. – Только сначала вы мне подчеркнете, где вы видите у нее бедра, а уже потом я ей на этом месте сделаю вытачку. И вообще, молодой человек, перестаньте морочить мне голову своими дурацкими советами! Вы свое дело уже

сделали. Вы женились. Значит, вы и так считаете свою жену самой главной красавицей в мире. Теперь моя задача – убедить в этом еще хотя бы нескольких человек. Да и вы, барышня, тоже – «пойдем отсюда, пойдем»! Хотите быть красивой – терпите! Все. На сегодня работа закончена. Примерка через четыре дня.

Через четыре дня портной Перельмутер встретил Колю и Олю прямо на лестнице. Глаза его сверкали.

– Поздравляю вас, молодые люди! – закричал он. – Я не спал три ночи. Но, знаете, я таки понял, на чем в данном случае мы будем выигрывать. Кроме расцветки, естественно. Действительно на ногах! Да, не на всех. Правая нога у нас, конечно, толчковая, но левая-то – нормальная. Человеческая! Поэтому я предлагаю разрез. По левой стороне. От середины так называемого бедра до самого пола. Понимаете? А теперь представляете картину: солнечный день, вы с женой идете по улице. На ней новое платье с разрезом от Перельмутера. И все радуются! Окружающие – потому что они видят роскошную левую ногу вашей супруги, а вы – потому что при этом они не видят ее менее эффектную правую! По-моему, гениально!

– Наверное… – кисло согласился Коля.

– Слышишь, Римма! – закричал портной в глубину квартиры. – И он еще сомневается!..

Через несколько дней Оля пришла забирать свое платье уже без Коли.

– А где же ваш достойный супруг? – спросил Перельмутер.

– Мы расстались… – всхлипнула Оля. – Оказывается, Коля не ожидал, что у меня такое количество недостатков.

– Ах вот оно что!.. – сказал портной, приглашая ее войти. – Ну и прекрасно, – сказал этот портной, помогая ей застегнуть действительно очень красивое и очень идущее ей платье. – Между прочим, мне этот ваш бывший супруг сразу не понравился. У нас, дамских портных, на этот счет наметанный глаз. Подумаешь, недостатки! Вам же сейчас, наверное, нет восемнадцати. Так вот, не попрыгаете годик-другой в высоту – и обе ноги у вас станут совершенно одинаковыми. А бедра и бюст… При наличии в нашем городе рынка «Привоз»… В общем, поверьте мне, через какое-то время вам еще придется придумывать себе недостатки. Потому что, если говорить откровенно, мы, мужчины, женскими достоинствами только любуемся. А любим мы вас… я даже не знаю за что. Может быть, как раз за недостатки. У моей Риммы, например, их было огромное количество. Наверное, поэтому я и сейчас люблю ее так же, как и в первый день знакомства, хотя ее уже десять лет как нету на этом свете.

– Как это нету? – изумилась Оля. – А с кем же это вы тогда все время разговариваете?

– С ней, конечно! А с кем же еще? И знаете, это как раз главное, что я хотел вам сказать про вашего бывшего мужа. Если мужчина действительно любит женщину, его с ней не сможет разлучить даже такая серьезная неприятность, как смерть! Не то что какой-нибудь там полусумасшедший портной Перельмутер… А, Римма, я правильно говорю? Слышите, молчит. Не возражает… Значит, я говорю правильно…

Жора с Большой Арнаутской

Когда, как сказал поэт, вашу хладную душу терзает печаль, или вы вдруг действительно поверили, что Одесса уже не та, и она перестала вырабатывать юмор, как противоядие от окружающего ее безумия, что спасало наш город во все времена, – купите билет на трамвай и поезжайте на Привоз. Там в рыбных рядах за прилавком, заваленным тушами толстолобиков, огромными блинами камбал, золоченой скумбрией и серебристыми карпами, священнодействует Жора. Продавец и рубщик рыбы. Худощавый пожилой человек с лицом библейского мудреца. Знаменитый на весь Привоз Жора, чей острый язык может сравниться только с острейшим разделочным ножом в его умелых руках, который сам Жора романтически называет «рыбным мачете».

– Люди! – проповедует Жора собравшимся вокруг покупателям. – Если вы зададите вопрос, у кого здесь можно купить свежую рыбу, то я отвечу вам правду, какой бы горькой она ни была: у меня и только у меня. Конечно, вам тут многие скажут, что их тухлая камбала свежа, как поцелуй невинной девушки. И вы можете им поверить! – Жора указывает на стоящих за соседними прилавками рыбных торговок, одетых как огородные пугала. – Сильны чары этих сладкоголосых сирен! Но только я вам продам такую рыбу, которую действительно можно сесть и кушать, а не лечь и умереть. Свежайшую рыбу, потому что ее не только сегодня поймали, но еще и быстро вытащили.

– Мне какую-нибудь крупную и недорогую, – просит Жору очередной покупатель.

– С превеликим удовольствием, Изя! – отвечает Жора. (Почему-то всех своих покупателей он называет Изями.) – Предлагаю коропа. Свежайший. Ах, тебя это не интересует!.. Ну тогда – барабулька. Вкуснейшая! Или глоська, без единой косточки. Ах, тебе и это по барабану… Угу… Значит, тебя устраивает костлявая, невкусная и несвежая, главное – чтобы была большая и недорогая? Да? Так что же ты мне сразу не сказал, что тебе на подарок?

Толпа покатывается от хохота.

– А тебе кого порубать, Сарочка? – спрашивает он у покупательницы с явно рязанским лицом. (Всех своих покупательниц он, как вы поняли, называет Сарами.)

– Мне бы бычочков парочку на уху, – вздыхает та. – Мужу в больницу… Такой малоприятный диагноз…

– Ой, перестань! – отмахивается Жора. – Скажи своему Изе, пусть не берет в голову! Разве эти врачи что-нибудь соображают?! Даже самый умный из них, академик Филатов, и тот почему-то работал сразу в двух направлениях: улучшал людям зрение и изобретал эликсир для продления жизни. Слышишь?! Как будто бы не понятно, что в нашей стране чем человек меньше видит, тем он дольше живет…

– А ты что стоишь, Сарочка? – обращается он уже к другой покупательнице. – Тебе почистить твоего судака?

– Но это же, наверно, дорого…

– А что, твой Изя приносит тебе мало денег? Так я тебя сейчас научу, как увеличить их количество. Берешь большую эмалированную кастрюлю или ведро, кладешь туда деньги, которые у тебя есть. Запомнила? Так. А потом бросаешь туда дрожжи… Давай я почищу за полцены.

– Нет, – говорит покупательница, – я уж как-нибудь сама… Если вы не возражаете…

– Да я-то не возражаю, – говорит Жора. – Сама так сама. А вот рыба этого не любит. Она любит, чтобы шкуру с нее снимал профессионал. А готовить хоть ты умеешь, Сарочка? Или тоже как-нибудь?

Женщина смущенно молчит.

– И как вам это нравится?! – возмущается Жора. – Ни шкуру снять она не умеет, ни приготовить. Зачем же так издеваться над бедной рыбой? Ну скажи, женщина, тебе бы понравилось, если бы с тебя снимал платье какой-нибудь недотепа, который не только не умеет его снимать, но, кроме того, еще и не знает, что делать с тобой дальше?.. Хорошо. Я почищу тебе бесплатно. И еще подарю рецепт, приготовь по нему своему Изе фаршированную рыбу. Надеюсь, ему понравится. Во всяком случае, выплюнуть ее он всегда успеет.

– Боже! Какая роскошная Сара! – застывает Жора перед очередной покупательницей. – А с каким вкусом одетая: зеленые рейтузы, красная кофта, желтый берет – просто какой-то павлин, честное слово!

– Не забывайте, Жора, что вы женатый человек! – окликает его торговка с соседнего лотка.

– Но я же только смотрю, – отвечает ей Жора. – Конечно, я помню, что я женат. Но можно подумать, если человек на диете, так что, он уже не может посмотреть в меню?.. В жизни не видел такой красоты, – продолжает он любоваться клиенткой, разделывая ей огромную рыбину. – Хотя, как говорится, omnia praeclara rara et fronti nulla fides[1].

– Вы знаете латынь? – удивляется кто-то из очереди.

– А как же? – обижается Жора. – Я же учился в Ватиканском университете вместе с папой римским.

– Как разделывать камбалу? – ехидничает очередь.

– Нет, – строго отвечает Жора. – В Ватиканском университете я изучал латынь. А как разделывать камбалу – это я там преподавал. У меня, между прочим, и здесь есть ученики, – указывает он на трех молодцов, работающих рядом. – Правда, они способны только на то, чтобы отрезать рыбьи хвосты и головы. Раньше учеников было больше. Но кто ушел в украинский бизнес, кто в украинскую политику… Остались самые толковые.

– Дядя Жора, – спрашивает один из учеников, – а какая все-таки разница между глосью и камбалой? И одна плоская, и другая…

– Ну как же, – разъясняет Жора, – камбала – это большая рыба, килограммов на пять, а глось – маленькая, граммов на двести.

– А может глось вырасти до размеров камбалы? – интересуется ученик.

– Ну если правильно настроить весы… – отвечает учитель.

Одесское солнце, устав от собственного жара, падает за корпус «Фруктового пассажа». Очередь постепенно тает. И я подхожу к Жоре, чтобы поговорить «за жизнь».

– Меня здесь считают самым умным человеком на весь Привоз! – хитро щуря свои иудейские глаза, говорит Жора и смахивает с прилавка рыбную чешую. – А знаешь, как это получилось? Ну, самыми умными на Привозе вообще всегда считались евреи. И вот несколько лет назад все они стали подходить ко мне и спрашивать: ехать им в Израиль или нет? И всем я говорил – да! Обязательно. Они и решили: раз такой неглупый еврей, как Жора, говорит нам, что надо ехать, – значит, надо ехать. И уехали. А я остался. Ну откуда же им было знать, что я албанец? Теперь я здесь самый умный.

– А сейчас к вам приходят за советами? – спрашиваю я.

– Бывает, – кивает Жора. – Вот вчера приходил один из мясных рядов. «Что мне делать, Жора? Я обидел мать, места себе не нахожу…» – «Во-первых, – говорю, – пойди и немедленно извинись. Нет такой обиды, которую бы мать не простила своему сыну. А во-вторых, перестань себя так уж сильно терзать. Смотри, бог создавал человека целый рабочий день. Наверно, это и есть время, необходимое для создания человека. А тебя родители создавали максимум минут десять. Естественно, что ты получился немножечко недоделанным…»

– А секреты профессии перенимать ходят? – интересуюсь я.

---

[1] Все прекрасное редко и наружность обманчива.

– Стоял тут один целый день, – отвечает Жора, – смотрел, как я работаю. «Восхищаюсь, – говорит, – вашими умелыми руками. Как у вас все так ловко выходит: четыре удара – и хребет пополам. Еще четыре удара – и второй хребет пополам. У меня так не получается». «А кто вы такой?» – спрашиваю. «Массажист»… – Жора хитро подмигивает.

– А латынь вы что, действительно изучали? – пристаю я.

– Конечно, – кивает Жора, снимая свой брезентовый фартук. – Правда, не в Ватиканском университете, а, как все интеллигентные люди, в советской тюрьме. Но какое это имеет значение? Просто с моими данными в тюрьму было попасть значительно легче. Ну что ты на меня так смотришь? В пятидесятом году они меня взяли. Месяц держат, второй, а потом приходят и спрашивают: «Ну что, придумал наконец, за что ты у нас сидишь?» – «А что тут придумывать, – отвечаю, – за то, что у вас батя мой сидит уже восемь лет как албанский шпион». – «Так-то оно так, – говорят, – только это нам не подходит. Товарищ Сталин сказал, что сын за отца не отвечает». – «Ну это, – говорю, – он, наверное, про своего сына сказал». Тут они как обрадовались! «Так это же, – говорят, – совершенно другое дело». И вкатали мне сколько могли за оскорбление товарища Сталина… В общем, что теперь вспоминать! Сейчас все мои прокуроры и следователи уже давно пенсионеры, приходят ко мне за рыбой, и я им продаю, только толстолобик не рекомендую. Зачем? Если у людей и без того такие непробиваемые лбы, то куда им еще и толстолобик?

Быстро темнеет, мы с Жорой выходим с Привоза на Большую Арнаутскую улицу.

– Да, – говорю я ему, – жаль, что у вас все так нехорошо получилось. Вам бы в молодости учиться, а потом выступать на эстраде.

– Так я на Привозе выступаю уже сорок лет, – философски отвечает Жора. – Можно подумать, сильно большая разница. Особенно сейчас, когда все наши великие юмористы разъехались кто куда, и теперь, чтобы попасть на их концерт, нужно платить бешеные деньги, – так люди приходят ко мне и всего за несколько гривен имеют и свежую рыбу, и почти что свежую шутку. Ты мне другое скажи, – вдруг останавливается он, – придут когда-нибудь времена, чтобы мы жили по-человечески?

Я пожимаю плечами.

– А я вот верю. – И Жорины глаза опять загораются дурашливо-пророческим блеском. – У нас же такие люди! Вон в газете написано: «Девять месяцев донецкие шахтеры не получают зарплаты. И только теперь, на десятый месяц, они начали голодовку». А до этого что они ели, спрашивается? Да с такими людьми!.. Я тебе так скажу: чтобы в нашей стране настала хорошая жизнь, нужны две вещи – чтобы народ наконец начал работать, а правительство наконец перестало!

И, попрощавшись со мной, он уходит к своей семье.

На Большую Арнаутскую улицу опускается неописуемая майская ночь. Падают звезды. И глядя на них, я оптимистически думаю, что, сколько бы их ни упало или ни закатилось куда-нибудь за горизонт, на нашем одесском небе их всегда останется более чем достаточно.

Вторая с половиной Фонтана

Хорошо живется сейчас нашим телезрителям. Интересно! У кого пять телевизионных каналов, у кого десять, а у кого и все двадцать шесть. Гуляй – не хочу. Сел вечером у телевизора, не понравилась передача – переключил на другой канал. И тут ерунду показывают – на следующий. Потом еще и еще… Смотришь, пора и на боковую.

Когда-то, в советские времена, в Одессе было всего два канала. Первый, московский, который смотрели все, и второй, одесский, который не смотрел никто. На этом канале я и трудился.

Возглавлять наш довольно большой и, в общем-то, не бездарный коллектив партия направила человека, которому сам бог велел быть тележурналистом. Дело в том, что у него был какой-то странный дефект речи. А может быть, даже и психики. Если обычные люди в разговоре стараются опускать так называемые слова-паразиты, такие, как «ну», «в общем», «как бы это сказать», «как его», и изъясняются в основном при помощи существительных, прилагательных и глаголов, наш руководитель, высказывая свою мысль, наоборот, опускал существительные, прилагательные и глаголы и изъяснялся исключительно при помощи «паразитов». Эффект был потрясающий!

Мой первый приход на службу, помнится, совпал с редакционной летучкой. В небольшой, сильно прокуренной комнате сидело человек пятьдесят. Перед ними стоял руководящего вида мужчина и, строго глядя на собравшихся из-под кустистых бровей, говорил примерно следующее:

– От это… Знаете ли… Не то чтобы… Ну как бы это сказать… Вот… А… В общем, конечно… Как его там… Ну… Вы меня понимаете!..

Самым поразительным было то, что его действительно понимали.

– Вот правильно учит нас наш уважаемый Владлен Александрович! – вскочила сразу после его выступления очень пожилая и очень дородная дама с юношеским пушком над верхней губой (как выяснилось впоследствии – редактор передач для старшеклассников Фира Аркадьевна Казанская). – Сейчас мы, как никогда, обязаны сильно улучшить качество своих передач! Только так мы сможем заслужить любовь и уважение нашего зрителя!..

«Это какого еще зрителя? – подумал я. – Откуда это у нас зритель?..»

Оказывается, я ошибался. Зритель у нас, оказывается, был. Правда, один. Звали его Степан Митрофанович Перебейнос. Он работал инструктором городского комитета партии и получал свою зарплату исключительно за то, что с утра до вечера смотрел наши передачи. С целью недопущения и контроля…

Вот в этом, оказывается, и была вся загвоздка! Любое отступление от вкусов Степана Митрофановича, от его глубокого понимания, что и когда нужно показывать людям по телевизору, грозило нашей студии самыми серьезными неприятностями. Впрочем, за годы совместной работы студийцы так изучили запросы своего зрителя, что какие бы то ни было пробои здесь были практически исключены.

Каждый день мы начинали свое вещание с захватывающей телепрограммы под названием «Битва за урожай», в которой очередной председатель колхоза докладывал нашему единственному зрителю, что «у прошлом годе, несмотря на героические усилия, наш коллектив не смог перевыполнить своих социалистических обязательств, потому шо той год був сыльно холодный и усэ чысто помэрзло. Совсем по-другому обстоят дела в этом годе, который не такой холодный, як той, а, наоборот, теплый, и потому у нас усэ чысто згорило!..» Такие объяснения Степана Митрофановича устраивали. Правда, иногда он делал нам замечания.

Однажды, помню, по студии разнеслась страшная весть: зритель нами недоволен. Вчера в передаче на атеистическую тему он услышал фразу: «Начиная с тысяча девятьсот семнадцатого года в нашей стране, слава богу, нет никакого бога!» Она показалась ему двусмысленной…

– Ой, я вас умоляю, – отмахивался редактор этой передачи Лопушанский, – так завтра мы скажем, что бога у нас нет не с тысяча девятьсот семнадцатого года, а вообще никогда не было, и не только в нашей стране, но и за рубежом, и за это не слава богу, а слава КПСС!..

– А вы не боитесь? – спросил я у него.

– Кого?

– Бога. Вы что, действительно так уверены, что его нет?

– Перестаньте, молодой человек, – ответил Лопушанский. – Я уверен, что если он и есть, то он не то что нас – он и московские передачи не каждый день смотрит! Главное, чтобы Степан Митрофанович был доволен…

Конечно, для нас это было главным. Но так уж устроен человек, что ему всегда не хватает своего счастья. Ему хочется большего. Нам, например, хотелось, чтобы нас смотрели миллионы! И однажды судьба дала нам такой шанс.

– Слыхали?.. Слыхали?.. – прокатилось по студии. – Владлена Александровича вчера вызывали в обком. К самому товарищу первому!.. За очередные заслуги в сельском хозяйстве нам предоставлена высокая честь участвовать в первомайском «Голубом огоньке»!.. Прямое включение в прямой всесоюзный эфир!.. Целых четыре минуты!.. Сами находим героя, артистов, которые будут его чествовать… В общем, все как положено…

И началось. Телевизионное начальство из Москвы звонило по нескольку раз на день: «Вы понимаете, какая это ответственность? Вас будут смотреть сто пятьдесят миллионов человек! Впрочем, черт с ними, с этими ста пятьюдесятью миллионами… Но кроме них вас будут смотреть еще девять человек – членов Политбюро, а это уже более чем серьезно!.. Город у вас в национальном отношении сложный. Так что вы уж найдите там у себя героя, фамилия бы которого, так сказать, отражала… Точнее, не отражала… Короче, вы понимаете, о чем мы говорим?!»

Конечно, мы понимали… Ну кто же не знал, что наше высокое руководство относилось к людям определенной национальности, точнее говоря, к евреям, ну, скажем, так же, как к определенным частям человеческого тела. Просто избавиться от них вроде бы невозможно, потому что организм без них станет хуже работать, но рассказывать о них по телевизору… А тем более показывать…

Короче, мы нашли нужного человека. И фамилия у него была замечательная – Трандасир. Он был комбайнер и вообще очень хороший парень. Правда, разговаривал он еще хуже, чем наш Владлен Александрович, но в данном случае от него это и не требовалось.

– Ты только не нервничай, Коленька! – суетились мы вокруг нашего героя за несколько минут до включения. – Тебе почти ничего не нужно будет говорить… Все скажет Наташа – наша ведущая. Только в самом конце, когда она вручит тебе ключи от нового трактора, ты скажешь: «Спасибо вам за приз!» Запомнишь?

– Угу, – сказал Коля.

– Пять минут до эфира! – закричал режиссер. – Давайте порепетируем!

– Дорогие друзья! – начала наша пышногрудая красавица Наташа, тоже сильно волнуясь. – Сегодня я хочу познакомить вас с замечательным трандасиром товарищем Комбайнером… то есть замечательным комбайнером товарищем Трандасиром…

Пока она говорила, Коля, напряженно уставясь на вырез ее довольно-таки открытой блузки, почему-то начал краснеть…

– А сейчас, дорогой Николай, – закончила Наташа, – разрешите вручить вам ключи от нового трактора!

Коля молчал.

– Ну!.. – зашептали мы. – Говори же «Спасибо…»

– Спасибо… – просипел Коля.

– Вам… – подсказывали мы.

– Вам… – проговорил Николай, не отрываясь от Наташиного выреза.

– За…

– За бюст! – неожиданно брякнул Коля.

– Стоп! – заорал режиссер. – Какой еще, к черту, бюст?! При чем тут бюст?! «Приз» – нужно сказать! Понимаешь? Приз!.. Десять секунд до включения. Приготовились…

– Вы… Это вот самое!.. – строго проговорил Владлен Александрович. – Не то чтобы, знаете… Ну как бы это сказать… А лучше, ну как его там… В смысле… Ну вы меня понимаете…

– Что это он говорит? – спросил я Фиру Аркадьевну.

– Он говорит, что Коле вообще ничего не нужно отвечать. Пусть говорит только Наташа. Это наше единственное спасение!

– Эфир! Мы на первой программе! – панически закричал режиссер.

И дальше все пошло как по маслу. Наташа прекрасно рассказала о том, какой Коля замечательный комбайнер. И как он в этом году скосил в два раза больше, чем посеял. Потом вручила ему ключи. Потом скрипач стал играть в его честь музыкальное произведение. А пока он играл и камера брала скрипача, к креслу ведущей подполз мальчишка помреж с наушниками на голове и быстро проговорил:

– Москва в восторге! Им очень понравилось! Просят назвать фамилии создателей сюжета!..

– Не!! – шепотом закричал Владлен Александрович. – Ой!.. Ну как бы это сказать!.. Опа!!…

Но было уже поздно. Камера взяла ведущую. И она, наивная наша красавица, купаясь в лучах всесоюзной славы, произнесла:

– А теперь Одесса прощается с вами. И мне остается только сказать, что сюжет о комбайнере Трандасире для вас подготовили и провели журналист Шварц, режиссер Кац, оператор Лидерман, звукооператор Либерман, а также скрипач Шнеерзон, который исполнил фрагмент из скрипичного концерта Мендельсона…

Включение закончилось. Нас вырубили из эфира.

– Это конец! – охнул кто-то в наступившей тишине.

– Хай бы вин уже лучше про груды сказав! – произнес Владлен Александрович, может быть, первую за всю свою жизнь внятную фразу.

На следующий день разразился скандал. Степана Митрофановича сильно понизили и отправили в родное село, где теперь уже под его чутким руководством «усэ чысто горило и мэрзло».

Владлена Александровича опять вызвали к самому товарищу первому, и он оттуда уже вообще никогда не возвратился.

Все остальные остались на своих местах. И только я через какое-то время уволился по собственному желанию. Хотя и грустно было расставаться с этими уже полюбившимися мне людьми. И с этой студией, окруженной, как сейчас вспоминается, какими-то вечно цветущими каштанами в парке на второй с половиной станции Большого Фонтана, среди которых, убежав с очередной летучки, так весело было гулять вдвоем с красавицей Наташей. Ушел, оставив среди этих каштанов, как говорится, частицу своей души, в попытке сохранить в ней в целости хотя бы все остальное…

Сапоги всмятку

Человек вообще такое удачное создание, что, где бы он ни жил, пусть даже в раю, он все равно рано или поздно доживет до очень крупных неприятностей.

Казалось бы, уж до чего спокойное место Одесса – и ближайший вулкан находится неизвестно где, и до ближайшего рассадника чумы, специалисты говорят, пока долетишь, так уже вообще ничего не хочется… И что же? За сорок лет жизни в этом тишайшем городе я лично пережил пять землетрясений, три эпидемии холеры, шесть полных обледенений деревьев и проводов, а также одну советскую власть, которая, как известно, принесла этому городу больше неприятностей, чем все вышеперечисленные катаклизмы, вместе взятые…

Первое землетрясение застало меня в городской больнице. Надо сказать, больницы тогда, в семидесятые годы, были не то что сейчас. То есть не в том смысле, что лучше лечили, а в том, что попасть туда было невозможно. Разве что по знакомству. Это сейчас наш человек ложится в больницу только тогда, когда у него уже, извините, остается всего лишь два места, куда он может лечь – или в больницу, или на кладбище. А в те времена… Две-три недели за счет государства, да еще с сохранением заработной платы!.. Здоровые завидовали! И врачи тогда были не в пример нынешним… Светилы!

– Уж как мы вам благодарны, профессор! Так благодарны!.. – суетилась, бывало, какая-нибудь гражданка, воровато оглядываясь по сторонам и незаметно всовывая пухлый конверт в вяло сопротивляющуюся руку профессора. – Ну неужели не помните? Вы же нашего дедушку консультировали!

– А, ну конечно… Возможно… М-да… И как он, живой?

– Нет, ну зачем же… Дело не в этом. Просто мы его до вас уж кому только ни показывали, и все нам говорили по-разному. Одни – что это у него менингит, другие – что грыжа, одни – что так его нужно лечить, другие – что этак, и только вы как посмотрели на него, так сразу и определили: «К Новому году помрет!» И точно, к Новому году! Можно сказать, под бой кремлевских курантов! Что значит опыт!..

Но вернемся к землетрясению. Итак, морозным февральским вечером, а точнее, ровно в девять часов, телевизор «Электрон», стоявший в углу нашей палаты, начал было показывать программу «Время», но вдруг затоптался на своих длинных ногах, вышел в центр палаты, произнес там что-то торжественное типа: «С небывалым подъемом весь советский народ воспринял сообщение о досрочном окончании отопительного сезона…» Потом осекся, вернулся в угол и, застенчиво повернувшись к стенке, замолк навсегда.

Потом треснул потолок и закачались стены.

– Зэмлэтрус, – равнодушно произнес мой сосед по палате, – я у Ташкэнте такое бачыв. Не обращайте внимания.

– То есть как это не обращайте?! – заволновались остальные соседи. – Мы же на пятом этаже! А если оно все рухнет к чертовой матери? Нас же поубивает!

– Не обязательно, – отозвался первый сосед. – Мне у Ташкэнте розказувалы, что если стать у дверной проем, то бувалы случаи, что и не убивало. Хотя лично я у Ташкэнте такого нэ бачыв…

Мы выскочили в коридор. Там уже царило необычайное для реанимационного отделения оживление. Лифт, конечно же, не работал, и все наши больные, человек пятьдесят, штурмовали узкую дверь, ведущую на лестницу.

– Женщин пустите вперед! – кричала какая-то могучая больная, расталкивая всех, в том числе и женщин. – Да пропустите же, мужчина, я вам говорю! Ишь нахальный какой! И с ног его не собьешь, а еще язвенник называется!

Но тут нас тряхнуло, мы вывалились на лестницу и всем отделением покатились вниз. На четвертом этаже к нам присоединилась загипсованная толпа из травматологии. На третьем – группа мрачных субъектов из нервного отделения.

– Лежачему дайте пройти! – кричал кто-то из травматологии, ловко скача по лестнице на костылях и тараня толпу высоко поднятой ногой в гипсе. – Лежачего пропустите немедленно, а то я вас тут всех положу!

– И не стыдно вам? – отвечали ему. – Вы бы вот с психов брали пример. Какие интеллигентные люди! Не орут, не толкаются.

– Ага, интеллигентные!.. – обижались больные из нервного отделения, завистливо глядя на загипсованного. – Вам бы вот тоже каждый день по двадцать уколов успокоительного в задницу вкалывали, так и вы бы интеллигентами стали…

Больницу опять тряхнуло, и тут, уже на втором этаже, я увидел единственного человека, которого все происходящее приводило в полный восторг. Это был заведующий отделением хирургии. Дело в том, что он недавно защитил диссертацию, в которой доказывал, что советский больной уже на второй день после самой тяжелой операции может вставать, а на третий – идти на работу. И все бы хорошо, вот только больные после его операций никак не хотели вставать ни на второй день, ни на десятый, а некоторые и вообще. То есть не понимали люди, какой народнохозяйственный эффект может дать такое открытие. Поэтому сейчас, глядя на своих пациентов, которые, придерживая руками трубки, торчащие из животов, выскакивали на лестницу, врач ликовал.

– Значит, все-таки можно вставать, если понадобится?! – спрашивал он. – Все-таки можно?! И это правильно, потому что все может наш человек! Ничего, вы у меня и работать скоро начнете как миленькие!

– А вот это уже дудки! – отвечали ему. – Это нас никакое землетрясение не заставит.

Больницу вновь сильно тряхнуло, и мы покатились на первый этаж. Но главный удар нас ожидал именно там. Входная дверь, единственная на всю больницу, она же наша единственная надежда на спасение, оказалась закрытой. Снаружи. На огромный висячий замок. Это вахтерша Надя при первом же подземном толчке убежала домой, предусмотрительно закрыв нас на замок. Она справедливо рассудила, что если мы вместе с вверенным ей больничным имуществом исчезнем под обломками, то виновато будет землетрясение, а вот если мы с этим имуществом разбежимся кто куда…

В общем, мы волной накатились на закрытую дверь и разбились об нее, как прибой, поседевший от ужаса. Тогда мы бросились к висящему рядом телефону, тоже единственному на всю больницу, и стали дозваниваться домой, чтобы передать последний привет своим родственникам. А заодно убедиться, что хотя бы они не пострадали от этой стихии. Опять образовалась давка.

– Женщин пропустите вперед! – снова расталкивала всех дама – борец за права женщин. – Я за своих родственников, может быть, больше вас всех переживаю. Мы ж в девятиэтажном доме живем!

– Все в девятиэтажном! – оттаскивали ее от телефона.

– Так наш же построен мимо фундамента! Они там спешили к какому-то празднику. А говорила я им: «Почините дом!» Все исполкомы обошла – и обл-, и гор-, и рай, и ад!.. Вот они уже у меня где, эти исполкомы! В печенке сидят. Недаром же она у меня такая увеличенная. Ой, мне нехорошо! Пустите скорей позвонить, а то вы меня сейчас вообще потеряете!

Ее пропустили – и она не дозвонилась.

А в это время вокруг все начало как-то успокаиваться. Подземные толчки прекратились, многие из нас, в отличие от дамы, дозвонились домой, выяснили, что и там, слава богу, ничего страшного не произошло, и уже начали расходиться по палатам, и только она, время от времени прорываясь к телефону, все крутила и крутила диск изувеченного автомата.

– Ой, люди добрые! – причитала печеночница. – Не отвечает никто! Наверное, одна я теперь на всем белом свете!.. Люся, – обратилась она к своей соседке по палате, которая уже собиралась подниматься на пятый этаж, – я тебя очень прошу, там у меня под кроватью лежат югославские сапоги. Почти еще новые. Теперь это единственное, что у меня осталось в жизни. Так ты выбрось их в форточку. Эта придурочная Надька-вахтерша, наверное, сейчас придет, откроет дверь – и тогда я их сразу надену и побегу к себе на родные развалины. Может, еще удастся спасти что-нибудь. Ну пусть не из родственников, так хоть из одежды!

Люся ушла наверх, а толпа у телефона все редела и редела. Даже заведующий хирургией дозвонился-таки через соседей по коммунальной квартире вахтерше Наде и приказал ей немедленно прийти на работу. На что вахтерша ответила ему, что в гробу она видела ту работу и вообще из своей квартиры выходить не собирается. Потому как, если уж ей суждено, чтобы ее прибило землетрясением, так только вместе с соседями…

И тут наконец повезло нашей великомученице. Причем еще как! То есть она не просто дозвонилась домой, но оказалось, что и дом ее не только не развалился, а даже наоборот, укрепился как никогда, поскольку в результате толчков встал наконец на фундамент.

– Ну слава тебе, господи, – сказала она, – пойду, пожалуй, прилягу!

Но тут кто-то закричал:

– Смотрите!

Мы повернули головы и увидели сквозь застекленный кусок фасадной стены больницы, как мимо всех этажей – от самого пятого до самого первого – летят и в конце концов шлепаются на землю с той стороны закрытой двери почти еще новые югославские сапоги. Вот тут-то, впервые за все землетрясение, я увидел, как выглядит настоящий человеческий ужас. Яркими, хотя и на глазах бледнеющими красками он был изображен на лице владелицы этих сапог. Было где-то около часа ночи.

Дальнейшее мы узнали со слов верной Люси, которая вскоре спустилась с пятого этажа и затем помогала несчастной, глядя в окно, сторожить лежащие на улице сапоги уже до самого рассвета. Несколько раз за ночь к сапогам подходили местные жители и собаки. И посягали! Но в этот момент хозяйка начинала так истерически биться в окно, всем своим видом показывая, что стоит ей вырваться наружу и она растерзает все живое, что злоумышленники в панике отступали. Потому что всех на этом свете больше всего пугает непонятное. А в этой ситуации было непонятно все: если этой странной даме так нужны ее сапоги, то почему она не взяла их с собой в помещение, а, наоборот, разулась на улице и даже заперла за собой дверь? Если же они ей вообще не нужны и она решила их выбросить, то что же она теперь так волнуется?

Только утром пришла Надина сменщица, и все наконец окончилось благополучно. Более того! На следующий день при обходе выяснилось, что после этой страшной ночи печень у нашей героини стала нормальных размеров. И вообще ее скоро выписали.

Вот, собственно, и все… М-да… И что мы хотели этим сказать? Вот разве только то, что никакие землетрясения, как и другие, более страшные катаклизмы, нам вообще не страшны. Скорее наоборот. Они пробуждают в нас какие-то нечеловеческие силы, которые, может быть, только и дают нам возможность жить. Даже тогда, когда никаких человеческих сил уже не хватает. А значит, никакими стихийными бедствиями нас испугать нельзя. Можно только порадовать.

Пьяный переулок

Мы живем в плену предрассудков. Вот говорят: литр спирта – смертельная доза для человека. А кто проверял? Никто. Иностранцы – потому что боятся. Наши – потому что денег не хватает… Так что смертельная она или нет – еще неизвестно. Может, даже наоборот. Тут один пьяный человек с девятого этажа свалился. На трезвого человека. Так что бы вы думали? Трезвого в травматологию отвезли, а пьяному хоть бы хны! Так это он после пол-литра водки свалился. А если бы после литра? Да еще спирта?! Так где бы он тогда уже был, этот трезвый?..

В общем, неясно что-то с этой смертельной дозой. Может, она как раз раскрывает в человеке какие-то невероятные способности? Надо бы эксперимент провести.

Хотя что я темню… Был такой эксперимент, был! И результаты он дал просто необыкновенные!..

Все началось с того, что в гастроном на углу Мукачевского переулка завезли «Біле міцне». Помните, было такое вино когда-то? Жутковатый напиток. Тот, кто не пил, – тот помнит. А тут еще какой-то чудак на базе что-то напутал, и в накладной на это вино в графе «цена» поставил прочерк не перед словом «коп.», а перед словом «руб.». А единицу – не перед словом «руб.», а перед словом «коп.». Получилось, цена бутылки – копейка.

Продавщица заподозрила было что-то, но потом махнула рукой: это что, ее магазин?..

И началось!

Жители Мукачевского, бывало, это вино и по рублю моментально расхватывали. А тут ящиками понесли! «Видимо, это у них там, наверху, или коммунизм начался, – размышляли они, – или конец света. Во всяком случае, что-то такое, что долго продолжаться не может. Так что нужно успеть…»

Целую неделю Мукачевский переулок пил не переставая. Но в конце концов у Саввы, Славы и Павы – трех алкашей, известных даже в Мукачевском переулке под прозвищем Три Поросенка, – копейки кончились раньше, чем в гастрономе бутылки. Тогда Пава вспомнил, что ему на фабрике слепых, где он числился сторожем, к Международному дню солидарности трудящихся, наверное, положена премия. Вспомнив это, Пава уселся на буфер «пятого» трамвая и поехал на фабрику. А Савва и Слава легли под скамейку на трамвайной остановке и начали ждать.

Прошло два часа. Потом еще несколько. Пава не возвращался. Савва и Слава стали уже трезветь и даже заволновались. Но тут часы на одесском вокзале показали роковое число семь, и Павины приятели поняли, что волноваться уже бессмысленно, потому что наверняка произошло самое страшное.

Была только одна причина, способная помешать их другу вернуться до закрытия гастронома, в котором «Біле міцне» продавалось по одной копейке. И причиной этой могла быть только Павина смерть.

Весть о кончине Павла мигом разнеслась по Мукачевскому переулку. И уже через несколько минут Савва и Слава во главе такой же еле держащейся на ногах делегации от скорбящей общественности ввалились в комнату старухи Кузьминичны – единственной Павиной родственницы.

– Давай, Кузьминична, это… доставай, что ты там накопила за свою трудовую жизнь! – волновались они. – Будем поминки устраивать. А то не по-христиански получается: такого человека, можно сказать, потеряли сегодня, а пьем как в обычный день!..

– А вот хрена вам лысого! – возразила старушка, потягивая «Біле міцне». – Поминки им устраивай до похорон! А может, Пава и не помер совсем? Подумаешь, человек к закрытию

гастронома не пришел! Так чего ж сразу «помер»? Мало ли что?.. Не пришел… Может, его просто паралич разбил? Или трамваем ноги отрезало?.. Чего ж сразу плохое-то думать?!

Но тут с недопитой бутылкой «Білого міцного», торчащей из кобуры, явился местный участковый по фамилии Гвоздь, и кое-что начало проясняться.

– Бабка! – заговорил он. – У тебя, я слышал, племянник сегодня пропал. А мне в райотделе сказали, что они там три дня назад труп какой-то нашли у себя перед окнами. Так, может быть, он?

– Ну вы даете!.. – засомневалась бабка. – Сегодня пропал… Три дня как нашли… Разве ж такое бывает?

– Бывает, – подтвердили Савва и Слава. – В милиции это часто бывает… Ты же пойми: если бы они его сегодня нашли, то есть в тот день, когда его убили, то это у них называется «оперативное раскрытие преступления»… А если за несколько дней до того, как его убили, – тогда это у них называется «профилактика»…

– Понимают, ханурики! – похвалил их Гвоздь. – А тебя, бабка, начальство теперь вызывает. Посмотреть. Опознать.

– Не пойду! – испугалась Кузьминична. – Я на него и при жизни смотреть не могла. А уж в таком состоянии… Боюсь!

– И напрасно, – сказал участковый. – Чего тут бояться? Лежит он себе тихий, спокойный… Правонарушений не совершает. Любо-дорого посмотреть… Если бы у меня на участке все уже были такими, так я бы и горя не знал!.. Только он зеленый какой-то…

– Значит, Пава, – твердо сказала старушка. – Это вам и любой подтвердит. Он у нас в переулке один такого зеленого цвета был. Потому что все остальные синие. Так что ты, Гвоздь, так и передай своему начальству, что это Пава и есть. Мол, ни покойник, ни родственники не возражают. А мы тебе за это взятку дадим!

– Советские милиционеры с мертвых взяток не берут! – гаркнул участковый. – Это нам и начальник каждый день говорит. Хотя нет… Он, кажется, говорит: только с мертвых не берут… Ну хорошо, Пава так Пава. Значит, так мы и зафиксируем. Тем более и товарищи его по работе опознали. Говорят – он.

– Так они же слепые! – изумилась Кузьминична. – Как же это они могли опознать?

– А они по телефону, – объяснил участковый.

– В общем, хватит резину тянуть! – засуетились Савва и Слава. – Пора, Кузьминична, столы накрывать. Только учти, это тебе не именины какие-нибудь. Поминки – это такой праздник, который бывает у человека только один раз в жизни. Так что тут «Білим міцним» не отделаешься. Водка нужна… Значит, смотри: придет человек двести пятьдесят. То есть весь переулок. Если не считать дряхлых стариков и малых детей, получается, нужно двести бутылок.

– А если считать малых стариков и дряхлых детей? – спросила Кузьминична.

– Получается еще пятьдесят.

– Та на шо ж это я куплю такое богатство! – испугалась старушка.

– А ты Павину комнату в коммуне продай, – подсказал Савва. – Вон богатые Парасюки давно на нее зарятся.

– Заримся! Мать… перемать… – выступил вперед толстенный Парасюк. – Она аккурат к нашему санузлу примыкает, комната эта. Так мы с женой сильно мечтаем столовую в ней себе оборудовать, чтобы, значит, если приспичит, от еды недалеко отходить. Мы тебе за нее не то что двести пятьдесят – мы триста бутылок дадим! Правда, не водки, а самогону. Так что тебе не то что на поминки – вообще до конца твоих дней хватит…

Бабка быстро прикинула в уме, сколько самогону ей нужно до конца ее дней, и запросила еще четыре бутылки. Ударили по рукам.

И тут же, как по команде, еле держащиеся на ногах жители Мукачевского вытащили из своих домов такие же еле держащиеся на ногах столы и табуретки и накрыли прямо посреди улицы огромный криво стоящий стол. Немыслимых размеров Парасюк поднялся из-за него со стаканом мутной жидкости в кулаке и, обведя собравшихся еще более мутным взглядом, торжественно прокричал:

– Горько!..

Возникло недоумение.

– Горько!.. – повторил Парасюк.

Савва и Слава растерянно поцеловались.

– Э… Харитон! – одернула тамаду Парасючка. – Кого это ты тут женишь? Покойника, что ли?

– Горько осознавать… – гнул свое Парасюк.

Но мысль о свадьбе уже воспламенила Павину сожительницу Галу по прозвищу Студебеккер.

– И на кого ж ты меня покинул, голубь мой сизорыл… это… сизокрылый! – заголосила она, упадая необъятной грудью в салат оливье. – Ой, положите ж меня немедленно до него у гроб!..

– А вот тебе дулю! – разозлились Савва и Слава. – Коза ненасытная! Ты и при жизни, бывало, каждую минуту норовила до него у койку залезть. А теперь и в гроб норовишь!.. Дай уже человеку хоть там полежать без движения!

– Действительно, Гала… – всплакнула пьяненькая Кузьминична. – При мне бы хоть постыдилась! Вот у меня горе так горе. Мне моего любимого племянника никто не вернет. А тебе я таких козлов, как он, хоть сто человек в день предоставлю, только деньги плати. Ты мою таксу знаешь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.